

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДИЙСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.51; 81'373; 81'366

В. В. Быконя

СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТОИМЕННОЙ СИСТЕМЫ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье предлагается трактовка одного из возможных путей становления местоименной системы в селькупском языке. Исторически вопросительные местоимения были именами мифических предков. Их табуирование обусловило использование иносказаний в роли вопросительных, неопределенных, отрицательных местоимений. Заместители имен становятся центром словообразовательных гнезд: *kaj* 'утка' (тотем); *kaj* 'кто', 'что', 'какой'; *kajdo* 'зачем', 'почему'; *kajne* 'ничего'.

Ключевые слова: селькупский язык, местоимение, эвфемизм, духовная культура.

Происхождение местоимений, равно как и служебных слов, представляет интерес для исследователя любого языка, так как отражает определенный этап в истории формирования лексико-грамматических разрядов слов. Предлагаем трактовку одного из возможных путей формирования местоимений. Он обусловлен эвфемизацией имен древних мифических предков в связи с запретом на их произнесение. Представляется, что вопросительные и неопределенные местоимения являются иносказаниями для имен духов и божеств. Примером тому могут служить данные мифологии, в частности *кунема* (*кун-эма*) 'медведь-людоед' [1, с. 56]. Данная лексема согласно морфемной структуре и соотносительности ее элементов со знаменательными словами (ср.: об., тур. *kun* 'где?', *em* – составная часть неопределенных местоимений) имеет значение 'где-нибудь', ср. также: об. Ч *kunet* 'когда-нибудь', 'иногда', но для представителей этноса она является именем божественного духа. Привлекает внимание прилагательное ел. *qunemij* 'полудикий', в структуре которого видим элемент *qunemi-*, материально совпадающий с именем божественного духа, почитаемого представителями этноса. Можно считать эвфемизацию одним из средств формирования семантической системы селькупского языка [2].

Трудность заключается в реконструкции внутренней формы слова, которая уже утрачена. Для ее восстановления необходим учет этнокультурной ситуации, обращение к тому историческому периоду, который соответствовал бы этапу становления мировоззрения этноса, а в формировании лек-

сической системы предшествовал бы этапу грамматикализации.

В исследовании внутренней формы мы обращаемся к последовательности корней-компонентов исторически сложных слов, бывших некогда самостоятельными словами. Впоследствии, когда слово превращается в символ, значения его составных элементов уже не принимаются во внимание. Частные представления и конкретные мысли, отраженные в анализируемом лексическом пласте, раскрываются с использованием методики морфемного членения слова и соотносительности его компонентов с однокоренными словами или их компонентами. С одной стороны, представляется возможным восстановить исходное значение слов, которые 'склеены' из ранее самостоятельных слов или их частей, с другой стороны, раскрывается мир связей и отношений, в котором находился человек на этапе формирования этноса и культуры. Конкретным проявлением такого подхода к исследованию фактического материала явилась реконструкция имен мифических предков, связь с которыми была и остается у народа незыблемой [3].

Итак, первое, на чем хотелось бы остановиться, так это на вопросительных местоимениях об., вас., тым., тур. *kaj* 'что?', 'кто?'; кет., об. Ш *qajji* 'что?', 'какой?'; об. С *qod*; об. Ч, вас., тым. *qoda*; об. Ч *qot*; об. С *qudj*; кет. *kote* 'кто?'.

Следует отметить, что основа *qaj* вошла в структуру неопределенных местоимений об. Ш, Ч, кет., вас., тым. *qajda* 'что-то', 'кто-то', 'какой-то', кет. *qaj daqa*, *qaj daqqa* 'что-то', 'какой-то'; *qaj emi* 'что-нибудь'; об. С *qaj data* 'какой-то'; *qaj emda* 'что-то'

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ проекта «Исследование лексической системы селькупского языка в становлении и развитии». Код проекта 11-14-70006а/Т.

и отрицательных местоимений об. Ш, Ч, вас. *qajmna*, *qajmnaj* ‘ничто’, ‘ничего’.

Местоимение *kaj*, *qaj* ‘что?’, ‘кто?’ материально совпадает с именем духа загробного мира *kaj*, *kajji*, которое вошло в обращение к духам, с именем мифического предка ‘утка’ *qajje* [1], а также *qajdi* ‘большая серая утка (с железными крыльями)’ [4]. Мифический предок трактуется как дьявол в образе утки с железными перьями. Во время полета ночью издается треск, подобный грохоту железа, который передается в языке звукокомплексом *kangil-kangil-kangil* ‘стук-стук-стук’. Исходное значение ‘гремящий дух’ сохранилось в составном наименовании вас. *qangul paja* ‘шаманка’ (иначе – гремящая старуха).

Имя данного мифического предка вошло в обращение к духам великим и богу Ному (записано у А. Ф. Пальджигина), которое раскрывает реалии духовной культуры: *Ij nom*, *Ij nop*, *Ij t'u*, *Kara-kara ör*, *Kaj-Kajji*, *Kaj-Kajji*, *Kaj-Kajji* ‘бог неба, божество на небе, великие духи среднего мира, духи нижнего мира, духи недр, духи загробного мира’. Мы встречаем двойное имя мифического предка *Kaj-Kajji* в трехкратном повторе, который явно используется в качестве эвфемизации. Второе имя *Kajji* имеет сложную природу и состоит из элементов *kaj-ji*, букв. «дух загробного мира – высший дух». Полагаем, что лексема *kaj* служила обозначением тотема, являлась обозначением родового понятия ‘утка, закрывающая солнце’, ср.: об. Ш, Ч *kajjigu* ‘закрывать’; *qajjimbugu* ‘покрыться’, ‘быть покрытым’; об. Ч *qajješpigu* ‘закрывать’. Данный мифический предок соответствовал статусу злого духа, упоминание о котором было небезопасно для человека. Ему приносили в жертву пестрого оленя, шкуру снимали вместе с копытами и вешали в дальней тайге [1]. Имена мифического предка *Kaj*, *Kajji*, *Kajdi* в связи с табу на его произнесение стали использоваться в качестве иносказаний ‘кто’, ‘что’, ‘кто-то’, ‘что-то’, ‘какой-то’: кет. *qaj ezundə* ‘что случилось?’; об. Ч *na p'edegit qaj βarga* ‘в этой берлоге кто живет?’; об. С *kajdi kangarimpan* ‘кто-то трещит, когда находишься в лесу’; об. Ч *mogonegot qajda tōšpa* ‘сзади кто-то идет’.

Хотелось бы особо остановиться на имени *Kajdi*, которое, по нашему предположению, восходит к форме *Kaj-īd*, означавшей буквально «дух загробного мира = дух древнего человека», что соответствует его более поздней трактовке «утка-человек». Среди фонетических процессов, имевших место в истории селькупского языка, отмечается метатеза звуков и слогов. В этом случае метатеза перекрыла явную связь компонента *-di* с лексемой *-īd*, которая входит в один лексический ряд с лексемами *ed*, *jet'* (ср.: *Jet'i* ‘снежный человек’), *jed*, *jad'* – компонентом этнонимов *samojad'*, *samojed* < *sa-*

ato-jed (букв. «земля – мать – человек»). По правилу формирования этнонима, который был сложным словом, конечную позицию в нем занимало слово со значением «человек», в данном случае «древний человек», поскольку в современных диалектах это значение слова сохранилось как реликтовое: об. Ч *edit* ‘старый человек’. Оно приобрело значение «место рода», например, об. С *jedə* ‘деревня’, ‘юрта’; об., кет., вас., тым. *ed*, *edi* ‘деревня’, вошло в состав сложных слов, например, вас. *ed-kare* ‘пристань’ (деревня + берег), об. Ч *edimanz'* ‘улица’ (деревня + отмеренное пространство). Информация о людях «самоядь» и «самоедь» известна из сказания «О человецах неизвестных», которое сохранилось в рукописях конца XV – первой половины XVIII в., а также в переводе англичанина Ричарда Джона (ок. 1560 г.) [5].

Приведенные факты дают нам основание считать лексему *Kajdi* именем древнего сибирского племени. Этнонимное происхождение имеет антропоним Кайдалов < Кайд-ал-ов (утка-человек, ср.: тюрк. *al* ‘человек’), вас. *qajol* ‘что’ (< *qaj-ol*, букв. ‘род-голова’, иначе ‘глава рода’). Можно предположить, что на территории Сибири и прилегающих территориях были распространены рода с самоназванием *kaj*. При совместном длительном употреблении слов *kaj* ‘род’ и *ed* ‘человек’ образовалось самоназвание *kajed* > *kajd*, которое сохранилось в антропониме и продолжает жить как тотем.

Видим, что обращение к истории происхождения вопросительного местоимения *kaj* поднимает целый лексический пласт, в котором находят отражение историческая, этническая, культурная составляющие, причем не только одного этноса. Последующее функционирование имени, которое дошло до нас через мифологию как имя мифического предка, связано с его использованием в функции вопросительных местоимений: об., вас., тым., тур. *qaj* ‘что’, ‘кто’, ‘разве’; об. С, Ч *kaj* ‘какой?»; вас. *kajdo*, *qajto* ‘зачем’, ‘почему’, ‘за что?»; *qajno*, *qajnu* ‘зачем’, ‘почему’; об. Ш *kajko* ‘почему’; об. Ш, Ч, кет., вас. *qajqo* ‘почему’, ‘зачем’; об. С *qajz'e*, об. Ш *qajze*; вас. *qajhe* ‘чего?’, ‘чем?’, ‘на чем?»; об. Ч *qajje* ‘чего’, ‘чем’.

Следует отметить, что на этапе грамматикализации местоимение *qaj*, *kaj* приняло именное склонение, стало оформляться суффиксами пространственных падежей, винительного, назначительно-превратительного падежей. На основе падежных форм стали возникать формы с отрицательным значением: об. Ч, кет. *qajna*; об. С *qajni* ‘никто’, ‘ничего?»; *qajmna* ‘ничто’, ‘ничего?»; об. Ч, вас., тым. *qajnaj*, *qajnaja* ‘никто’, ‘никого’, ‘ничего?»; кет. *qajqinna* ‘нигде’. Отрицательная местоименная основа *na*, *ni*, *n'i* (*naj*, *n'ij*) в диалектах не сохранилась, но, как показывает материал, могла стоять в препозиции, например, тур. *n'ikutı* ‘никто’. На древность данных

форм указывает факт присоединения к ним отрицательного местоимения *asj*, *assj* ‘не’: об. Ш *qajm-nasj* (*qajm-na-asj* содержит две отрицательные основы), *peldakundi qum* ‘беззащитный человек’. Местоимение *qaj* может выступать в относительной адъективной форме, которая образуется путем прибавления к основе суффикса *-l'* [6, с. 191], например, об. Ш, Ч *qajl' em*, тым., вас. *qajl emi*, *qajl' emmi* ‘что-нибудь’, ‘что-то’; об. Ч *qajl'imj* ‘что-нибудь’.

Лексема *qaj*, *kaj* относится к древнейшему слою лексического фонда, обозначаемый ею образ входит в иерархию духов и божеств, регулирующих соотношение добра и зла. Подтверждением служат составные образования типа вас. *qaj qoj* ‘что-то’, ‘кто-то’: *qaj qoj qombadit* ‘они что-то нашли’. Первый компонент имеет отрицательную коннотацию, а второй компонент *qoj* – положительную, ср. *qoj* ‘богатый’. Отрицательная коннотация первого компонента проявляется в мифологеме *Kajwoldin* ‘дьявол’, ‘убийца’, ‘упырь’ (в него превращалась неприкаянная душа умершего) [1]. Семантическая рефлексия слова развилась на основе табуирования мифологемы.

Относительно происхождения лексемы *kaj* высказывалось предположение о том, что слово пришло в селькупский язык из речи тунгусов – военнопленных, живших среди селькупов (сельк. *qaj*, тунг. **xai*) [7]. Мы считаем возможным отнести лексему *kaj* как имя духа, имя мифического предка и тотема к древнейшему лексическому слою, субстратному по отношению к самодийскому и тунгусскому. Имя мифического предка вошло в структуру имени рода Кайдэнг. Финский ученый М. А. Кастрен считал их кетами по происхождению, но в XVIII в. они были уже тюркоязычными. Экстралингвистическая информация сохраняет связь с птицей. Мифический дракон Птица-Человек, в частности утка, известна как тотемный предок определенной части селькупского этноса – нарымских остяков [1]. Схема семантических трансформаций в историко-ареальном аспекте подтверждает распространение лексем *kaj*, *kaid* и объясняет развитие иносказаний: некто, кто-то, кто, что и др.

С позиций фонетической системности можно говорить о том, что если есть вариант *kaj*, то должны быть варианты *kal'* и *kal* с тем же значением, поскольку ряд регулярных звуковых соответствий охватывает звуки *l~l'~j*. И они действительно есть: вас. *kal* ‘что?’; *qal'* ‘как’; об. С *kal'ema*, *kal'emu*, *kal'emij*, *kal'emali* ‘что-нибудь’; об. С, Ч *kal'emj* ‘что-нибудь’ < *kal'-emi* ‘что-нибудь’. Но *kal'* входит в наименование другого тотема: кет. *kal'el'i*, *kal'l'i* ‘крот’, ‘земляная медведка’ почитается на Кети в образе земляного крота. Морфемное членение слова на компоненты *kal'-el'i* позволяет сопоставить его с антропонимом Кар-ел'и-ны, с лексемой об. Ш *el'i-*

mad ‘ребенок’ (*el'i-mad*), в структуре которых выделяется сходный элемент *-el'i-*, ср.: вас. *el*, *ella* ‘душа’, видимо, ранее слово имело значение ‘дух предков’.

По устному сообщению хранителя культуры А. Ф. Пальджигина, *kol'l'a* ‘чайка’, ‘Мартын’ – белый дух, черный дух, который сопровождает души умерших и младенцев (уносит души на небеса). В этом случае *kal'el'i* ‘крот’ мог выполнять сходную функцию, а элементом *kal'* обозначался сакральный элемент культуры. По данным Г. И. Пелих, Каль (Кол) считался духом-небожителем. Основа *kol* связана в культуре этноса с понятием ‘небесный’ [1]. Как заместительное слово оно стало использоваться в формирующейся системе местоимений в функции вопросительного местоимения, но известно также как частица кет. *qal*, *qala* ‘будто’: *qatpatta*, *qal tep qβanba* ‘говорят, будто он уехал’.

Еще одно местоимение *kud* ‘кто?’. В мифологии *Kud* известен как ‘злой дух’, ‘бес’ (сатана в образе новорожденного ребенка, который был рожден мертвой женщиной в могиле [1]). Устная традиция связывает этот дух с тем, что он быстро бежит по лесу и кричит так, что слушать невозможно. Имя духа выступало в фонетических вариантах *kod*, *kot*, *kut*, к этим основам восходят лексемы кет. *kodembiku*, *kodibbigu*; об. Ч *kotombiku* ‘выть’ (о волках); кет. *kodel'bigu*, тым. *kotel'bigu* ‘завывать’; об. Ч *qodombigu* ‘выть’, ‘скулить’, тур. *kotombiku: atal amiril' surup kotimpa* ‘волк воет’. В данном мифическом образе актуализировано понятие ‘голос’, ср.: об. Ч *kuto* ‘голос’. Материальное совпадение рассмотренных элементов создает базу для ассоциативной связи объекта и его проявления. Связь с потусторонним миром заключена в мифологеме об. Ш *kut kumbi kopt* ‘кладбище’ (букв. злой дух = мертвый = место). Элемент лексической системы кет. *qudja* ‘щенок’ (< *kud-ja* < *kud-ija*, букв. собака = ребенок, позднее развивается суффикс уменьшительности *-ja*) соединяет понятия ‘злой дух’ и ‘ребенок’, ассоциативная связь рождает предложение, о которой было только что сказано (быстро бежит по лесу и кричит).

Имя духа связано с именем мифического предка «собака», «собакоподобное существо». Оно стало использоваться в качестве иносказаний – вопросительных, отрицательных, неопределенных местоимений: об. Ш, Ч *kod*, *kud*; об. Ч *kot*; ел. *kude*; кет. *kutti*, *kute*, об. С *kudj* ‘кто?’, об. Ш *kodit* ‘чей’; *kodnaj*, *kodnej* ‘никто’; *kodija* ‘кто-нибудь’; *kuta* ‘кто-то’; вас. *qudj qoj* ‘кто-то’. Имя данного мифического предка вошло в самоназвание кет. *qodan yum* ‘кетский остяк’ – это человек, поклоняющийся мифическому предку собаке. Этот мифический предок хорошо известен из монгольской мифологии [8].

О древности мифического предка по имени *qod* свидетельствует обширный лексический пласт,

развившийся на базе данной лексемы, который составляют местоимения: вас. *qodija* 'кто-нибудь', об. С *qodnej*, *qodnaj* 'никто', об. Ш *qodit* 'чей', кет. *kudena* 'никто', послелого, наречия, например, об. С, Ч, вас. *qote* 'назад', 'вверх', 'против течения', 'навзничь', термины родства: кет. *qoto* 'бабушка', 'жена старшего брата моего мужа', 'жена моего брата', 'свекровь', а также фитоним: об. Ч, тым. *god*, *kode* 'черника', 'голубика', зооним: об. Ч *koduldu* 'летучая мышь', лексика, обозначающая орудия труда: об. С, Ш *koda*, вас. *kode*, кет. *kota*, тым. *kot*, *kote* 'рыболовный крючок', 'багор'; об. С *qodiyaj*, тым. *qodeyaj* 'скребок', 'стружок'; тур. *kodil'po* 'багор', 'крючок для люльки'; анатомическая лексика: тур. *kod* 'кожа', ср.: *kodel* 'кожаный', ел. *qotij por* 'лысина'.

Развитие лексико-семантической системы селькупского языка идет в направлении сохранения реалий духовной культуры, которые на ранних стадиях религиозных построений формировались через конкретные образы огромного животного, огромной птицы, огромного человеческого тела и, как правило, совмещали признаки того и другого.

Неопределенные местоимения являются по структуре составными, их вторые компоненты восходят, по нашему мнению, к мифонимам, которые стали впоследствии частицами, терминами родства, составляющими неопределенных местоимений: *ku-em* 'куда-нибудь', кет. *qaj-emi* 'кто-то'. Вторая составляющая неопределенного местоимения входит в лексический ряд, члены которого различаются анлаутным гласным: *am*, *äm*, *om*, *эм*, *im* с общей понятийной базой «верховное божество». Исходное значение второго компонента *-am*, *-em*, *-emi*, реконструируемое для лексемы, с которой материально совпадает данный компонент, – верховная мать. В селькупских диалектах слово с разным вокалическим анлаутом (ел. *ama*, тур. *ämä*, *emär*, *emet*, *imĭ* 'мать') выступает термином родства, входит в наименование божества тур. *amärkija* 'бог'. Принадлежность к числу небожителей подтверждается данными других языков [9, с. 8].

Более древнее значение слова сохранилось в фонетическом варианте *omĭ*. В качестве знаменательного слова с самостоятельным значением лексема *om* выступает в следующем лексическом слое: в камасинском и маторском языках она является числительным «один»: *o'm*, *om* [10, с. 28], в селькупских диалектах при повторе образует составное местоимение «один... другой»: ел. *kutar oten as'a turimba*, *omĭ qengoten p'erika*, *omĭ otetem ottoten* 'если оленей не хватает, одни идут искать, другие оленей стерегут'; тур. *om'a tänetät*, *om'a aš tänetät* 'полоумок' (букв. одно знает, другое не знает).

В семантику слова *om* интегрирован смысл целостности, подлежащей делению на части, иначе, способности к размножению. Эта особенность за-

ложена во фразеологизме тур. *omt-il'-go* 'царь' (букв. борода = женский дух = царь (человек высокого социального статуса)). Волосы (усы, борода) выступают символом плодородия, плодовитости прародительницы. Чем длиннее борода, тем многочисленнее и жизнеспособнее ожидаемое потомство. Смысл «размножение» проявился в глаголах с корневой морфемой *um-*: вас. *umdərbägu* 'обрастать', *umžäkugu* 'разводить (оленей)'. Базу для появления ассоциации «борода» ~ «размножение» составило совпадение лексем об. Ч, тур. *omtä* 'усы', 'борода'; вас. *umd* 'борода'; *umdərbägu* 'обрастать'. Учитывая положительную коннотацию глагола об. Ч *edərbägu* 'сберечь', 'сохранить', 'пожалеть', реконструируем смысл, интегрированный в семантику глагола *umdərbägu* 'обрастать' < *um-dərbägu* (букв. о целостности беспокоиться, ср. об. Ч, вас. *terbigu* 'думать', 'мечтать', 'горевать', 'беспокоиться', иначе «сохраняться духу человека»).

Лексеме *om* присуще сакральное значение, оно выразилось в глаголах об., вас., тым. *omtugu* 'помолиться': *nomt omtugu* 'богу помолиться', 'поклоняться', иначе «единое целое сохранить», ср.: об. Ч, кет., вас. *tugu* 'закрывать (на крючок)', 'запереть', либо кет. *omittägu* 'молиться' (< *om-ittägu*, букв. женский дух = повиснуть, ср. кет. *ittägu* 'повесить', 'висеть'); тур. *omtiqo* 'помолиться'. Просматривается общее направление вниз, ср.: об. С *omdid'egu* 'закатиться (солнцу)' < *om-iddid'egu*, ср.: об. Ч *adaž'egu* 'повиснуть', 'покоситься'. Функционирование лексемы относится к тому состоянию языка, которое нашло проявление в духовной культуре и рукотворных изображениях материальной культуры, характеризующее как птица-человек, зверь-птица и т.п. С учетом семантики производных слов и смыслов приходим к выводу о том, что лексеме *om* присуще значение 'высший дух' ~ 'порождающий дух' ~ 'женский дух', а потому считаем его именем одного из божеств.

Обращает на себя внимание материальное совпадение лексемы *om* с гидронимом Ом (г. Омск). М. Г. Атаманов в разделе «Угорские названия в топонимии Удмуртии» пишет о слове *om*, которое вошло в название реки Омуль. Он отмечает, что *om* является десемантизированным словом, которое было оставлено западносибирским населением, и приводит в качестве примера название реки Ом (ср.: г. Омск). В материалах переписи XVII в. в бассейне Чепцы также зафиксирован гидроним Ом. М. Г. Атаманов высказывает предположение, что этот же апеллатив лежит в основе удмуртских ойконимов Полом, Уром [11, с. 30]. Материал селькупского языка дает основание для подтверждения высказанного мнения. Путь семантических переходов видится в следующем: дух мифического предка (высшего божества) → дух, связывающий

миры. В результате эвфемизации имя духа переходит в разряд иносказаний, пополняя систему частиц, местоимений, союзов.

Лексема *em* сохранила в диалектах самостоятельное значение и выступает в роли частицы с ограничительным значением об. Ч *em* ‘достаточно’, ‘хватит’. Она вошла в структуру частицы *emde*, выполняющей роль усилительной частицы при отрицательных местоимениях, например, об. Ш *emde qajni* ‘ничего’: *emde qajni tımdı asa ata* ‘здесь ничего не видно’; *emde kunnej* ‘нигде’ (ср.: *kunnej* ‘нигде’). На базе ограничительного значения развилось значение неопределенности: ел. *emdı kus'aıjn* ‘когда-нибудь’ (*kus'aıjn* ‘когда’) и даже полного от-

рицания: об. Ш *emdı ukupar* ‘ни разу’. Исходное значение лексемы *em* утрачено, но тот факт, что она используется в заместительной функции, не вызывает сомнения.

В становлении и развитии местоименной системы селькупского языка выявлена следующая закономерность: ее развитие осуществляется на базе имен мифических предков, которые, подвергшись табу, до этапа грамматикализации использовались в качестве иносказаний. Позднее они становятся центрами гнезд, присоединяя отрицательные основы, основы с ограничительным и неопределенным значением, формируя тем самым разные разряды местоимений.

Список сокращений

ел. – елогуйский говор; вас. – васюганский диалект; об. – обский ареал; об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ш – обские говоры Шёшкуп или Шёшкум; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; таз. – тазовский диалект; тур. – туруханский говор; тым. – тымский диалект; ср. – сравните.

Список литературы

1. Пелих Г. И. Селькупская мифология Томск, 1998. 79 с.
2. Быконя В. В. Эвфемизация как средство формирования семантической системы селькупского языка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 7 (97). С. 77–84.
3. Быконя В. В. Фрагменты духовной культуры селькупов в наименованиях мифических образов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 4 (55). С. 133–140.
4. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск, 2005. 347 с.
5. Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Археологический центр, 1993. 156 с.
6. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1. 408 с.
7. Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликация // Компаративистика, уралика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 278–283.
8. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 50 с.
9. Зеремская Ю. А. Термины родства и свойства в селькупском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2008. 22 с.
10. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Castrenianumin toimitteita 17. Helsinki, 1977. 185 S.
11. Атаманов М. Г. Топонимические пласты камско-вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: науч. докл., представленный в качестве дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1996. 57 с.

Быконя В. В., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: pip425@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17.04.2012.

V. V. Bykonya

THE FORMATION OF THE PRONOMINAL SYSTEM IN THE SELKUP LANGUAGE

In the article the rendering of the possible way of pronominal system formation in the Selkup language is offered. Interrogative pronouns were historically the names of mythical ancestors. Tabooing of the names caused the use of allegories in form of interrogative, indefinite, negative pronouns. The substitutes of the names became the key elements of word formation: *kaj* “duck” (totem); *kaj* “who”, “what”, “what”; *kajdo* “why”, “what for”; *kajne* “nothing”.

Key words: *Selkup language, pronoun, euphemism, spiritual culture.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: pip425@yandex.ru